

НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ РАКЕТ И РАКЕТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ. РЕЖИМ КОНТРОЛЯ ЗА РАКЕТНОЙ ТЕХНОЛОГИЕЙ. БУДУЩЕЕ РАКЕТНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

В последние десятилетия мы являемся свидетелями того, как все большее число государств становятся обладателями ракетных технологий. Сегодня в списке стран, обладающих ракетными средствами, американские эксперты насчитывают более 30 государств, 10 из которых (Великобритания, Израиль, Индия, Иран, КНДР, КНР, Пакистан, Россия, США и Франция) испытали и/или производят баллистические ракеты с дальностью полета более 1000 км. К наиболее «ракетоопасным» регионам относятся Ближний и Средний Восток, Западная и Южная Азия, Дальний Восток, т.е. регионы с давними и до сих пор неразрешенными конфликтами.

Особую тревогу вызывает тот факт, что к получению ракетных средств стремятся именно те государства, которые осуществляют программы создания оружия массового уничтожения или подозреваются в их реализации. Главным же предназначением баллистических ракет было и остается применение в качестве средств доставки ОМУ - ядерного, химического и биологического. Так из приведенной выше «десятки» пять стран являются «официальными» ядерными державами, Индия и Пакистан ядерные державы «де-факто», у Израиля ядерное оружие скорее всего есть, а КНДР и Иран подозреваются в осуществлении программ создания ОМУ.

В докладах спецслужб США с оценками развития ситуации, утверждается, что в ближайшие 10-15 лет процесс «ракетизации» пойдет по пути совершенствования ракетной техники теми странами, которые обладают ею сейчас. Прогнозируется также дальнейшее увеличение угрозы применения ракет меньшего радиуса действия против сил США за рубежом и их союзников («Буря в пустыне»). Ракетное распространение названо в числе основных угроз национальной безопасности США.

Понятно почему распространение ракет и ракетных технологий относится к числу наиболее «горячих» проблем с точки зрения обеспечения международной безопасности, а усилия ведущих стран по его сдерживанию и предотвращению приобретают все более настойчивый и масштабный характер.

Разумеется, потребовалось определенное время для осознания угроз, которые несло неконтролируемое расползание ракетных технологий, чтобы созрела готовность поступиться определенными экономическими и политическими интересами ради достижения целей нераспространения.

Здесь уместно вспомнить, что первыми вопрос о контроле над ракетными вооружениями начали решать государства, обладавшие наибольшими арсеналами ракетно-ядерного оружия - Советский Союз и США. В 70-начале 90-х годов они последовательно шли по пути расширения охвата ракет различных классов договоренностями по сокращению этих арсеналов. Речь идет

о соглашениях, посвященных ограничению и, что не менее важно контролируемому уничтожению ракетных средств доставки ядерного оружия и даже ликвидации целого класса ракет - средней и меньшей дальности. Они объективно послужили важным отправным пунктом для работы над будущими механизмами ракетного нераспространения.

В процессе формирования норм международного регулирования в ракетной области пришлось решать непростые, масштабные задачи политического и технического характера. С самого начала было ясно, что к ракетной технике невозможно применить достаточно простое и радикальное решение подобное тем, которые использовали при разработке режимов нераспространения химического и биологического оружия: оба эти виды ОМУ были полностью запрещены и поставлена цель их полной ликвидации.

Режим нераспространения ядерного оружия также не подходил в качестве образца: начиная с выработки в 60-е годы Договора о нераспространении ядерного оружия, он вырос в цельную систему международных договоренностей и организаций, включающую как ядерные, так и неядерные государства, призванную обеспечить сохранение безъядерного статуса тех его участников, которые не имели ядерного оружия в 1967 году.

Возникали вопросы: реально ли найти общеприемлемые и проверяемые критерии для проведения различий между «хорошими» и «плохими» ракетами, т.е. теми, которые могут использоваться в качестве средств доставки ОМУ и, соответственно, должны быть запрещены, и теми, что используются для выведения полезных грузов на орбиты, которые запрещать не имело смысла. Исходя из каких технических характеристик, можно проводить линию между «разрешаемыми» и «запрещаемыми» видами боевых ракет: должны ли ограничиваться дальность, полезная нагрузка. Как быть, скажем, с противоракетами, имеющими чисто оборонительную функцию.

В начале 80-х годов инициативу по разработке международного урегулирования вопросов ракетного распространения взяли на себя страны «большой семерки», выступившие в 1987 году после длившихся пять лет напряженных переговоров с инициативой создания **Режима контроля за ракетной технологией (РКРТ)**.

По замыслу его создателей целью Режима должно было стать уменьшение риска распространения ОМУ путем контроля над поставками, которые могли бы способствовать созданию ракетных систем его доставки.

Принципиально важно, что создатели Режима не поддались на уговоры США и не пошли на придание ему отдельных наднациональных функций, как это было, скажем, в случае создания КОКОМ - натовского механизма контроля над стратегическим экспортом в страны «советского блока». времен «холодной войны».

Страны-участницы, владевшие ракетной технологией, обязались добровольно придерживаться жестких ограничений на экспорт за пределы этого режима конкретных видов ракетной техники. Меры экспортного контроля

распространялись как на чисто военные технологии, так и на товары и технологии «двойного применения».

Основными документами РКРТ, регулирующими его деятельность, являются Руководящие принципы передач ракет и ракетных технологий, Памятная записка (процедурные вопросы) и Техническое приложение - разделенный на две категории список товаров, в отношении которых существуют ограничения.

Руководящие принципы чувствительных передач ракетных технологий содержат комплекс ограничительных положений, исходя из которых, члены Режимы должны выстраивать свою политику в области ракетного экспорта. В их основу заложено требование о проявлении особой сдержанности при экспорте предметов, входящих в Категорию 1, распространении на эти поставки **презумпции отказа как правило** (strong presumption to deny such transfers).

Исключение предусматривается только в случае межправительственной сделки и по получении гарантий о конечном использовании предметов экспорта. Разумеется, ни о каких поставках ракетных технологий не может идти речь, если правительство-поставщик имело основания подозревать импортера в намерениях использовать их для создания средств доставки ОМУ.

Наряду с этим в документе особо оговаривалось, что выполнение его требований не должно препятствовать осуществлению мирных национальных космических программ или международному сотрудничеству, которое не приведет к созданию средств доставки ОМУ.

Достаточно жесткий подход к решению вопросов ракетного экспорта со стороны экспортера дополняет в документе перечень факторов (или критериев), которые должны учитываться с точки зрения соответствия им потенциального государства-импортера. Среди них: наличие «озабоченностей» в области нераспространения, цели ракетой и космической программ, возможность использования поставляемых предметов для реализации программ создания систем доставки ОМУ, оценка конечного пользователя и гарантии государства-импортера, приверженность режимам нераспространения.

В Руководящих принципах РКРТ приветствовалась приверженность всех государств «интересам международного мира и безопасности».

Подчеркнем: Режим был создан как чисто консультативный орган, с целью обмена информацией и координации политики его участников в области контроля над ракетным экспортом. За его участниками оставалось право самим регулировать внешнеторговую деятельность в ракетной сфере. Здесь также важно отметить, что в Режиме было принято и продолжает неукоснительно соблюдаться правило консенсусного принятия решений по вопросам его функционирования. Эти же черты характерны и для других многосторонних режимов экспортного контроля.

К Категории I Технического приложения были отнесены законченные ракетные системы с дальностью стрельбы 300 и более км и полезной нагрузкой 500 и более кг и их подсистемы. Именно при рассмотрении вопросов о поставках

технических средств Категории I, независимо от их назначения, и должна была быть проявлена **особая сдержанность**. При этом наиболее вероятным вариантом решения будет отказ в таких поставках. Запрещалась передача производственных мощностей для этой Категории.

Интересно, что при выработке Технического приложения некоторые страны предлагали вывести в отдельную категорию ракеты-носители в силу мирного характера их применения. Однако после всестороннего рассмотрения от этой идеи отказались, в силу невозможности провести какую-то четкую разграничительную линию между «мирными» и «военными» ракетными технологиями.

К Категории II отнесены предметы двойного применения, относящиеся к ракетной технике. Соответственно, экспортные ограничения на них не такие жесткие, и, как правило, от импортирующего государства требуется лишь сертификат конечного пользователя.

Высшим органом РКРТ является Пленарное заседание, созываемое ежегодно по очереди в столицах стран-участниц. На «плеранках» рассматриваются вопросы функционирования Режима, ситуация в области ракетного распространения, проводится обмен информацией. В ходе заседаний экспертных групп идет рассмотрение конкретных вопросов, связанных с выполнением Технического приложения, изменениями списков и т.п. В настоящее время РКРТ насчитывает 33 члена.

Здесь уместно подробнее остановиться на понятии **экспортного контроля**, занимающего особое место в системе обеспечения интересов национальной безопасности любой развитой страны и ставшего неотъемлемым элементом поддержания международного режима нераспространения. В его основе заложено обязательство государств придерживаться определенных, ограничительных правил при экспорте товаров, материалов, информации, услуг, которые могут быть использованы для создания ОМУ или средств его доставки. На национальном уровне контроль над «чувствительным» экспортом осуществляется через национальные системы экспортного контроля, на международном - через систему экспортно-контрольных режимов, подобных РКРТ.

Мерами экспортно-контрольного регулирования, кроме ракетного, охвачены экспорт ядерных и химических материалов, отдельные виды обычных вооружений и двойных технологий. В ядерной области к таким экспортно-контрольным механизмам относятся Комитет Цангера и Группа ядерных поставщиков. Австралийская группа контролирует экспорт товаров и технологий химического и биологического профиля. В 1996 году были созданы Вассенаарские договоренности по экспортному контролю за обычными вооружениями, товарами и технологиями двойного применения (1996 г.).

Процесс расширения Режима за пределы достаточно узкого круга семи стран-основательниц продвигался медленно и непросто. Вступлению какой-либо страны предшествовали многочисленные конфиденциальные контакты, в ходе которых выдвигались довольно жесткие требования, главными из которых,

естественно, были приверженность международному режиму нераспространения и ответственная политика в области ракетного экспорта. В свою очередь, потенциальных кандидатов привлекали облегченные правила ракетного экспорта внутри самого Режима, им он представлялся чуть ли не «технологическим супермаркетом». Естественно, США неизменно пытались играть в этом процессе первую скрипку, подходу со своими, существенно более жесткими мерками к новичкам, не стесняясь при необходимости использовать свое право вето.

Как ракетно-космическая держава Россия объективно была заинтересована в участии в международных усилиях по ракетному нераспространению. Переход от противостояния времен "холодной войны" к сотрудничеству в деле обеспечения международной безопасности означали для России активизацию ее участия в международных усилиях по предотвращению распространения ОМУ и ракетных технологий, в том числе через подключение к работе экспортно-контрольных режимов на правах равного, заинтересованного партнера.

Первые контакты с государствами «большой семерки» были предприняты еще в конце 80-х годов. Однако в общей сложности обсуждение вопросов, связанных с вступлением России в РКРТ заняло несколько лет, и только на пленарном заседании стран-участниц режима в октябре 1995 года российские представители заняли свои места в качестве полноправных участников.

По настоянию России из руководящих документов Режима были исключены ссылки на льготное сотрудничество в рамках ЕС, ЕКА и НАТО. Одновременно партнеры дали согласие на продолжение производственно-кооперативных связей российской космической отрасли с предприятиями в других странах СНГ. Правда, России пришлось аннулировать крупный контракт на передачу Индии технологии производства т.н. криогенных разгонных блоков, свернуть некоторые другие поставки, получив взамен согласие Запада на участие российских фирм в международном рынке космических запусков.

Вступление в РКРТ развитых государств, обладающих ракетной технологией и обязавшихся проводить ответственную политику в области ракетного экспорта, их консолидированные усилия принесло определенные позитивные результаты. Использование политического диалога, а где это необходимо, и экономических рычагов привело в 1990-е гг. к отказу Аргентины, Бразилии и ЮАР от их ракетных программ. Есть основания надеяться, что этот же путь может оказаться действенным в решении вопроса с северокорейской ракетной программой.

К сожалению, эти позитивные примеры не получили дальнейшего развития, и к концу 1990-х гг. стало очевидно, что Режим не в состоянии служить достаточно эффективным заслоном на пути ракетного распространения.

Партнеры по РКРТ постепенно утвердились в сознании того, что современные проблемы в области ракетного распространения невозможно решить, используя только «инструментарий» РКРТ. Хотя его участники и являются основными экспортерами ракетных технологий, они более не обладают монополией на них и, что самое главное, не могут оказывать существенного сдерживающего

воздействия на рост числа государств, поставивших целью создание собственного ракетного потенциала, причем, в первую очередь, потенциала боевых баллистических ракет. Попытки же наладить работу от имени РКРТ как коллективного органа с так называемыми «непартнерами», обладающими ракетным потенциалом и по сути ставшими главными «пролиферантами» в этой области, ошутимого эффекта не принесли.

Большая группа стран, включая и те, которые взяли курс на создание своего собственного потенциала оружия массового уничтожения (ОМУ) и баллистических ракет, осталась вне рамок коллективных усилий по ракетному нераспространению. Как правило, эти государства рассматривают многосторонние экспортно-контрольные режимы как дискриминационные, по сути «элитные клубы», призванные увековечить технологическое превосходство Запада. Часть из них при наличии ракетного потенциала доставки ОМУ, благодаря своей политике в области нераспространения, просто перешла в разряд международных париев, на борьбу с которыми Запад во главе с США готов бросить любые средства, вплоть до военной силы («Национальная стратегия борьбы с распространением» - декабрь 2002 года).

В практическую плоскость встал вопрос о выработке нового, международного механизма, не только дополняющего существующий режим добровольных ограничений на ракетный экспорт для узкого круга стран, но и всесторонне регулирующего поведение государств в ракетной области. Стала очевидной необходимость принятия комплекса мер, нацеленного на **нейтрализацию мотивов в пользу обладания ракетами военного назначения и стимулирование добровольного отказа от обладания такими средствами доставки ОМУ через гарантии безопасности наряду со свободным доступом к плодам мирной космической деятельности.**

Опыт показал: пока конкретные страны не будут убеждены, что отказ от обладания ракетным оружием и подключение к взаимодействию в области нераспространения отвечает интересам их национальной безопасности, все усилия принудить к такому поведению будут тщетны. Они скорее окажут обратное действие, породят новые мотивации для оправдания опасного курса на обладание ОМУ и ракетными средствами.

С концепцией формирования универсальной системы мер в целях достижения ракетного нераспространения выступил президент России в 1999 году. Российская инициатива получила название **Глобальной системы контроля за нераспространением ракет и ракетных технологий (ГСК)**. В развернутом виде эта инициатива впервые была представлена на 54-й сессии Генеральной ассамблеи ООН министром иностранных дел России Игорем Ивановым.

В Москве в марте 2000 г. и феврале 2001 г. состоялись две международные встречи экспертов, посвященных детальному анализу различных аспектов российского предложения. Обстоятельный разговор по тематике ГСК прошел в апреле 2001 г. на московской Международной конференции по предотвращению милитаризации космического пространства, приуроченной к 40-летию со дня первого полета человека в космос

В развернутом виде ГСК была представлена мировому сообществу как комплекс международных режимов и механизмов, включающий в себя:

- *режим транспарентности пусков ракет.* Призван обеспечивать добровольное предоставление информации о готовящихся и произведенных пусках баллистических ракет (БР) и космических ракет-носителей (КРН) с возможностью его дополнения режимом технического мониторинга с применением наземных и космических средств обнаружения и наблюдения за пусками ракет;
- *механизм стимулирования государств, отказывающихся от обладания ракетными средствами доставки оружия.* Включает в себя меры по оказанию содействия развитию национальных космических программ и участию этих государств в использовании результатов мирной космической деятельности других стран;
- *механизм предоставления гарантий безопасности.* Призван обеспечить государствам, отказавшимся от обладания ракетными средствами доставки, их безопасность путем предоставления им соответствующих гарантий. Характер таких гарантий и механизм их предоставления предлагается определять на международной основе;
- *механизм международных консультаций.* Является рабочим инструментом совершенствования всех элементов ГСК, разрешения спорных вопросов и неясных ситуаций. Это неотъемлемое условие для обеспечения эффективного функционирования Системы;

международный орган, функционирующий под эгидой ООН, координирующий работу ее режимов и механизмов. Рассматривает вопросы развития и совершенствования системы, управляет консультационным процессом.

В качестве ключевых принципов создания ГСК были предложены открытость для участия всех заинтересованных государств, добровольность, функционирование под эгидой ООН, равные права государств-участников, поэтапное создание на широкой многосторонней основе.

Открытость в понимании авторов концепции - это возможность исключить любые подозрения насчет «сговора» узкого круга стран, владеющих ракетной технологией, стремящихся навязать «правила игры» всем остальным без особого учета их интересов.

Добровольность подразумевает сознательное согласие следовать «нормам поведения», заложенным в основу ГСК, а *функционирование ГСК под эгидой ООН* - соблюдение всеми участниками международных норм, предусмотренных Уставом ООН. В этом случае ГСК с полным основанием может стать своего рода «зонтиком», под которым можно было бы собрать всех.

Принцип равенства прав всех государств означает признание равноправного статуса всех участников в качестве неременного условия создания эффективного и жизнеспособного инструмента контроля над ракетным

распространением. ГСК должна формироваться с учетом экономической и технической выгоды ее функционирования для всех государств-участников. Выдвижение этой идеи - сигнал к сотрудничеству по весьма чувствительным аспектам безопасности, а не демонстрация подхода «кнута и пряника».

Поэтапный подход к созданию системы ГСК базируется на ясном понимании нецелесообразности и нереализуемости одномоментной разработки и запуска столь амбициозного и многоаспектного проекта. Суть российского подхода - создание ГСК шаг за шагом по мере «вызревания» и «обкатки» на практике ее компонентов.

Разумеется, идея ГСК родилась не на пустом месте. Она вобрала в себя многое из конструктивного и полезного опыта, накопленного за десятилетия в ходе развития международно-правового регулирования в таких сферах, как сокращения и ограничение ракетно-ядерного оружия, предотвращение или уменьшение опасности использования ракет в мирное время, противодействие их распространению в мире, регулирование мирной космической деятельности.

Выше мы уже останавливались на советско-американских договоренностях в области контроля над ракетно-ядерными вооружениями. Преимущество процесса ракетного разоружения в части стратегических наступательных вооружений продолжает и новый российско-американский Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов, подписанный президентами Российской Федерации и США в Москве 24 мая

2002 г.

Упоминания заслуживает международный опыт *уведомленческой* деятельности о пусках ракет, накопленный в процессе реализации разоруженческих договоренностей. Трудно переоценить его роль в деле повышения предсказуемости поведения государств в ракетной деятельности, правильных оценок возникающих ситуаций, наработки мер доверия между странами.

В частности, этим же целям служит начавшаяся работа по созданию Центра обмена данными от систем раннего предупреждения и уведомлениями о пусках ракет. Значимость этого шага подтверждена в Совместной декларации президентов В.В. Путина и Дж. Буша о новых стратегических отношениях.

Полезный правовой опыт в контексте обеспечения ракетного нераспространения дает также деятельность, связанная с выполнением международных договоров, регулирующих мирную космическую деятельность, прежде всего Договора по космосу 1967 г. и Конвенции о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство 1976 г.

В силу масштабности задач, важности и чувствительности вопроса нереально было бы претендовать на знание всех ответов на все возникающие вопросы. Пока еще не ясно, например, в какой форме могут быть кодифицированы те или иные механизмы и режимы, предусмотренные ГСК, как будут взаимодействовать существующие нормы регулирования ракетно-космической деятельности с нормами, предусматриваемыми будущим режимом, как

контролировать взятые обязательства и нужно ли предусматривать какие-либо санкции за их нарушение, как совместить будущие общие для всех критерии участия в режимах и механизмах ГСК с региональной спецификой, и ряд других вопросов.

Думается, на эти и другие вопросы ответы постепенно будут найдены, когда заинтересованные государства совместными приступят к работе. Важно, что о концепции ГСК можно уже говорить как о важном, состоявшемся компоненте международного сотрудничества в деле обуздания ракетного распространения. Ее появление - процесс объективный, а поэтапное движение к ее воплощению в реальный механизм - своего рода ответ на вызов, брошенный системе международной безопасности растущей угрозой применения ракет.

С новой концепцией обуздания ракетной угрозы выступили партнеры по РКРТ. На пленарном заседании РКРТ в Ноорвейке осенью 1999 г. государства - члены РКРТ заявили о необходимости рассмотреть дальнейшие шаги по контролю за ракетным распространением, *используя для этого РКРТ как единственный многосторонний форум в данной области*. За отправную точку был взят подготовленный США перечень универсальных мер, регулирующих поведение в ракетной области всех заинтересованных государств.

К следующей пленарной встрече в Хельсинки в октябре 2000 г. был сформулирован первый проект документа, получившего название **Международный кодекс поведения по предотвращению распространения баллистических ракет**.

В проекте Кодекса были сведены универсальные принципы и правила поведения в ракетной сфере, которыми обязывались бы руководствоваться государства-участники в их ракетной деятельности, а также меры по укреплению доверия и стимулы против распространения ракетных технологий, во многом созвучные тем, которые легли в основу концепции ГСК.

Государства принимали на себя обязательства руководствоваться рядом базовых принципов, среди которых: признание необходимости предотвращения и сдерживания ракетного распространения, важности укрепления существующих разоруженческих и нераспространенческих режимов, права всех стран в равной мере пользоваться выгодами от космической деятельности, необходимости транспарентности ракетных программ БР и КРН и другие.

Они также должны были присоединиться к основным международным соглашениям, регулирующим мирную космическую деятельность, предпринимать меры по предотвращению распространения баллистических ракет как на глобальном, так и на региональном уровнях, проявлять максимальную сдержанность в том, что касается разработки, испытания и размещения таких БР, способных доставлять ОМУ. В Кодексе предусматривался ряд конкретных мер, основанных на обязательстве предоставлять подробную информацию о программах создания БР и КРН, включая уведомления о запусках.

В первоначальном проекте МКП в отношении участников Кодекса, которые принимают решение ликвидировать свои ракетные программы и не иметь таких программ в будущем, была заложена возможность применения стимулов. Впоследствии этот пункт был снят.

Важно отметить, что **авторы Кодекса задумали его как политически, а не юридически обязывающий документ**. Кодекс не предусматривал выработки общепризнанной нормативной базы и механизмов для реализации конкретных мер по сдерживанию распространения ракет, за исключением уведомленного. Одна из основных его задач - обеспечить транспарентность ракетных программ и укрепление доверия между государствами через обмен предварительными уведомлениями о запусках, а также ежегодное предоставление информации о деятельности в ракетной области

Для того чтобы государства, не участвующие в РКРТ, но обладающие соответствующим потенциалом, подключились к работе над Кодексом, члены РКРТ решили вынести проект на всеобщее обсуждение. Имелось в виду, что сопричастность таких стран к коллективной работе на основе равноправного диалога демонстрирует стремление участников РКРТ вместе искать ответы на ракетные вызовы в политико-дипломатической и экономической, а не в военно-силовой области. Однако, как показали последующие события, наладить процесс обсуждения совместно с теми странами вне РКРТ, которые обладали или стремились к созданию ракетного потенциала, оказалось непросто.

На очередном пленарном заседании РКРТ в Оттаве осенью 2001 г. были подведены первые итоги обсуждения проекта Кодекса и принято решение окончательно «выпустить» его из РКРТ на рассмотрение мирового сообщества. Роль организатора работы над проектом взял на себя Европейский Союз.

Важным новым этапом работы международного сообщества над проектом Кодекса стали встречи представителей заинтересованных государств, проходившие в Париже в феврале и в Мадриде в июне 2002 г. В парижской встрече участвовали представители более 80 государств, в Мадриде их число возросло почти до 100.

Состоявшийся между «пленарками» РКРТ в Хельсинки и Оттаве обмен мнениями по содержанию проекта Кодекса, а также парижская и мадридская встречи показали значительный разброс во мнениях. С одной стороны, проект Кодекса в предложенном РКРТ виде безоговорочно поддержали государства из числа «единомышленников», т.е. придерживающихся близких или совпадающих с позициями членов РКРТ взглядов. Созвучные подходы наблюдаются и у государств, не ведущих активной космической деятельности. Здесь превалировало мнение о том, что после внесения в Кодекс минимальных «косметических» поправок нужно выходить на созыв в 2002 г. международной конференции с целью принятия документа. Голландия выразила готовность организовать у себя такую конференцию.

С другой стороны, проект встретил довольно прохладное отношение государств-«непартнеров» из числа стран «третьего мира», собственно ради

вовлечения которых в процесс предотвращения и ограничения распространения ракетных технологий и началась работа над Кодексом.

Поддерживая в большинстве своем идею выработки механизма регулирования поведения в ракетной сфере политико-дипломатическими средствами, эти государства выдвигали существенные замечания и предложения по проекту Кодекса.

Ряд государств этой группы высказали мнение о том, что проект должен скорее служить «отправной точкой» последующих обсуждений и выработки универсального международно-правового документа. При этом говорилось о целесообразности продолжить работу над российским предложением о создании ГСК.

Некоторые государства настаивали на включении развернутых формулировок по таким вопросам, как недопущение милитаризации космического пространства, сотрудничество в его мирном освоении, предоставление гарантий безопасности. Прозвучали предложения перевести работу над Кодексом на Конференцию ООН по разоружению. Особо подчеркивалась необходимость соблюдения консенсусного порядка при подготовке и принятии документа.

Обе подготовительные встречи, также как и состоявшаяся 25-26 ноября 2002 года в Гааге Конференция по принятию Кодекса показали, что не удалось преодолеть разрыв в позициях различных стран по проекту Кодекса. Более того, откровенное стремление ряда участников РКРТ «продать» текст Кодекса в неизменном виде, без адекватного учета мнений значимых ракетных государств-«непартнеров» закономерно вызывало у последних своего рода реакцию отторжения данной инициативы. Такие страны, как Бразилия, Индия, Китай, Иран, Израиль, Пакистан, Сирия, просто отказались от участия в Конференции и от подписания Кодекса.

На момент проведения Гаагской конференции к Кодексу присоединились 93 страны. В итоге встречи председателю (до следующей встречи государств-участников МКП, намеченной на осень с.г., на эту роль была одобрена кандидатура Нидерландов) было поручено передать текст Кодекса Генеральному секретарю ООН для распространения среди всех стран-членов ООН. Разумеется, в период между встречами работа над МКП будет продолжена. Государства, принявшие участие в работе конференции, выразили также намерение прилагать усилия к увеличению числа стран, присоединившихся к Кодексу.

Здесь также целесообразно коротко остановиться на той работе, которая ведется в ООН по вопросам ракетного нераспространения. Так, в 1999-2002 гг. Генеральная ассамблея ООН на своих 54-й, 55-й, 56-й и 57-й сессиях принимала изначально предложенную Ираном резолюцию «Ракеты», призывавшую к рассмотрению вопроса о ракетах во всех его аспектах. Была сформирована группа правительственных экспертов с целью оказания содействия Генеральному секретарю ООН в подготовке соответствующего доклада. В 2001-2002 гг. состоялось три заседания Группы, в итоге которых в июле 2002 данный документ года был подготовлен и представлен К.Анану.

С самого начала в подготовке Доклада активно проявили себя страны, относящиеся к группе так называемых «проблемных»: Иран, Ирак, Индия, Израиль, Пакистан, Сирия, КНДР и др. Хотя их взгляды на ракетное распространение зачастую сильно расходятся, все эти страны настаивают на всеобъемлющем и комплексном подходе к решению проблем в ракетной области, в первую очередь, гарантии безопасности, составляющих, как уже отмечалось, один из ключевых элементов российского предложения о ГСК. Кроме того, им импонируют такие элементы в ГСК, как равноправное участие на недискриминационной основе всех заинтересованных государств, функционирование под эгидой ООН, обеспечение баланса между интересами экономического развития и законными интересами безопасности.

В свою очередь, западные государства такой подход в группе не поддержали, прямо обвинив «проблемные» страны в нежелании реально противодействовать ракетному распространению.

Россия активно участвовала в работе Группы правительственных экспертов в ООН, рассматривая ее как благоприятный форум для диалога, важную составляющую усилий по вовлечению в решение задачи ракетного распространения максимального числа заинтересованных стран.

Каким же путем далее пойдет работа на данном направлении?

С нашей точки зрения, самым оптимальным средством прекращения ракетного распространения, безусловно, был бы международно-правовой режим, всеобъемлющий, недискриминационный, покрывающий все виды мирной и военной ракетной деятельности (производство, испытания, передачи и развертывание), обеспечивающий открытость и контролируемость для всех его участников. Именно его создание в качестве конечной цели ставили перед собой разработчики ГСК.

К числу сторонников такого полномасштабного международного договора в значительной степени относятся члены РКРТ, «ракетные» страны за пределами Режима. Причем последние видят в таком комплексном подходе реальную гарантию собственной безопасности и равноправного участия в мирной космической деятельности.

Вместе с тем опыт работы последних лет показывает, что не все государства готовы немедленно встать на путь выработки универсального договора. Реализация проекта столь глобального масштаба требует кропотливой и непредвзятой работы по сближению военно-политических и экономических интересов различных групп государств, которые придерживаются различных, зачастую противоречивых, точек зрения не только на ракетное распространение.

Россия на данном этапе исходит из того, что **принятие Международного кодекса поведения объективно послужит решению проблемы ракетного распространения политико-дипломатическими средствами.** На сегодня Кодекс - наиболее реально осуществимый, первый шаг в сдерживании ракетного распространения. Конечной же целью этой работы представляется выработка юридически обязывающей многосторонней договоренности о

глобальном режиме ракетного нераспространения по типу тех, которые регулируют вопросы нераспространения ОМУ. Исходя из такого понимания, 22 ноября 2002 года Россия присоединилась к Международному кодексу поведения.

Видимо, главным содержанием предстоящих усилий по решению проблемы ракетного распространения станет работа по преодолению недоверия и отчужденности «ракетных» стран, которые по тем или иным причинам не пока присоединились к МКП. Эта мысль отчетливо прозвучала в заявлении официального представителя МИД России по итогам Гаагской конференции: «Российская Федерация...рассчитывает, что страны, которые по тем или причинам на нынешнем этапе не сочли возможным присоединиться к Кодексу, тем не менее смогут участвовать в международных усилиях по решению проблемы ракетного распространения как в рамках Международного кодекса поведения, так и под эгидой ООН и, возможно, в других форматах».